

Вообще-то не согласуется его фамилия — Каменный! — с его голосом: мягким, теплым, добрым. Он не стучится разбойником в голову, как теперь это делается, а как бы вливается в душу и душу очаровывает. На недавнем концерте в Жукове (калужском городе) самому не привелось быть, но мне живописали, как он, пусть и с немногими слушателями, соединился, и вместе они запели, и как иных прошибла слеза, когда он преподал вот это:

Поставьте памятник деревне на Красной площади в Москве, там будут старые деревья, там будут яблоки в траве...

Геннадий КАМЕННЫЙ:

«Я землю русскую пою...»

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

С АМ ГЕННАДИЙ концертом тем остался не вполне доволен. Организаторы «мероприятия» постарались к началу оного опоздать на целый час, вследствие чего слушателей оказалось не так много, а он аудиторию — какая ни есть — привык уважать.

Не хочется рассыпаться в комплиментах, но не сказать не могу, что по характеру он хоть и весьма контактный и покладистый, но и крепкий (тут, пожалуй, годится и «каменный»), упорный. Ведь — «деревня»! А объездил весь мир, сумел ему показать не себя только, а саму Россию.

— Женя, я родился в Рамасуке — она под Почепом в Брянской области. Мои родители — крестьяне. Мама, Евгения Михайловна, папа, Аркадий Афанасьевич, бывший во время войны личным радиостом маршала Еременко, потом много лет отдавший совхозу «Первомайский», — у нас все копали, пахали, сажали, ухаживали за скотом. До пятнадцати лет занимался этим и я...

А узак, что в Почепе открылась музыкальная школа, уговорил родителей отдать его учиться играть на баяне. За три года окончил курс. Затем — музыкалище в Брянске, работа в Почепской музыкальной школе. Все — усилием воли, стремления, «каменности» характера... В Москве в то время была студия эстрадного пения Георгия Виноградова. Того, что — «Соловьи-и, соловьи-и», «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой. Все для тебя...»

А я гадал: чем же мне близок голос «каменного» Геннадия? Молодость моей. Тем, что и бывает счастьем.

— Они, Георгий Павлович и мой другой педагог — народный артист России Леонид Семенович Масляков, мне настоятельно советовали не оставлять баян, выступать именно с этим инструментом. «При нынешних технических средствах, — говорили они, — и без голоса можно сделать голосистым, с оркестром могут петь практически все. Но на сцене важна индивидуальность. Баян — это твоя мобильность, независимость, это — твое лицо...»

Совсем недавно за три недели Геннадий побывал в одиннадцати государствах, представляя 850-летнюю Москву в русских песнях, романсах, ариях из опер. Без микрофона со своим инструментом он выходил в зал, всматривался в глаза слушателей — им казалось, что он поет для каждого в отдельности, с каждым беседует, и, хотя он пел, по его выражению, землю русскую, они принимали его своим и пытались подпевать, славя тем самым нашу — нашу! — землю.

Однажды он мне сказал:

— Женя, я покатался по белу свету и знаю: ничто так не ценится, как национальное. Не верьте, когда говорят, что какая-то рекламируемая российская эстрадная суперзвезда имела, имеет успех за рубежом...

Этого мне и не надо было говорить. Достаточно того, что предавшая себя Алла Пугачева заняла на международной тусовке только 15-е место. Хватит и того, что популяризируемые нашими СМИ действительно

звезды Мирей Матье и Рафаэль на вопросы наших (?) «СМИховцев» о достоинствах российских эстрадных «достопримечательностей» недоуменно пожимали плечами и как бы спрашивали: а разве такие есть?

— То, что творит здешняя эстрада (я не могу ее назвать нашей), — это пластика, это суррогат, которым «там» сыты. Им, хоть и западники, нужны искренность, чувство...

И этот вот инструмент, с которым он творил, был им интересен и приятен. После студии Виноградова Геннадий пел со многими оркестрами, в том числе с коллективом, созданным самим Леонидом Утесовым, но не было концерта, чтобы не спел песни, аккомпанируя себе на баяне.

СОВ. РОССИЯ. — 1994. 24 июня.
— с. ч.

— А я вам скажу, что баян меня кормит, — это опять слова Геннадия. — Чтобы мне выйти на сцену, поехать в тот же Жуков и взять концертмейстера, нужно ему заплатить из своего кармана. А он у меня и неглубок, и неширок. Поэтому баян меня выручает. Правда, когда надо петь оперную арию, тут уж, как говорится, извините-подвиньтесь. И вот только что записал «Памятник деревне» — мне очень хотелось это сделать с оркестром, пусть усеченный, но оркестром, — заплатил за студию, музыкантам. Но я об этом нисколько не жалею. И буду всячески эту песню распространять...

...там будут яблоки в траве.

И покосившаяся хата с крыльцом, рассыпавшимся в прах, и мат убитого солдата с позорной пенсней в руках...

К деревне у Геннадия отношение трепетное. Не из моей фантазии, а из рассказа Людмилы Павловны Швецовой, много лет работавшей в радиопрограмме «Земля и люди», знаю, сколь отзывчив был Каменный, когда редакция устраивала выездные свои передачи. Геннадий никогда не отказывался, не спрашивал о гонорарах и пел на полевых станах, на фермах, в мастерских.

— Какое у нас было выдающееся государство!.. Впервые я попал за рубеж в 1972-м, в хваленную Америку. Я сошел с трапа теплохода «Лермонтов» и вскоре ощущал уважение к себе как к гражданину, за которым огромная страна — Советский Союз, и я гордился, что я русский, что у меня такая прекрасная Родина. Да, у нас были недостатки. Но назовите мне общество, а я видел все общества планеты, где не было бы своих проблем? У нас же сколько было преимуществ! Бесплатное образование и было медицинское обслуживание, уверенность в завтрашнем дне, мизерная квартирная плата, реформация которой грозит оставить без кровяных миллиардов людей; можно было, в конце концов, пойти кому-то на что-то пожаловать — это тоже немаловажный момент.

Я всю жизнь учился музыке. Бес-плат-но. Музыкант должен совершенствоваться. Если он не исполнял Баха, Бетховена, Глинку, Чайковского, Мусорского, он выродится. Я попытался бросаться во всякие модные тече-

ния, ритмы, но, к счастью, вскоре понял: это — не мое. И пошел учиться в Институт имени Гнесиных. Бес-плат-но.

Меня пять лет не было в России, пел в брюссельской опере, и вернувшись я увидел полный развал во всем. Стоя недавно у стен рейхстага — это во время того круиза, организованного мэрией в честь юбилея Москвы, — стою и думаю, как же могло случиться, что из страны почитаемой мы превратились в унижаемую, унижающуюся страну? Мой отец в сорок пятом пришел сюда победителем, почему сегодня я, его сын, чувствую себя здесь поверженным?

— Гена, — говорю я, чтобы сбить эмоциональное напряжение, — ваш отец, Аркадий Афанасьевич, около двадцати лет был секретарем парткома совхоза «Первомайский»...

— Да. Он работал в этом хозяйстве вместе с Героем Социалистического Труда Петром Ивановичем Шладаренко. Это был мощный совхоз. Они любили и знали землю, имели цель: кормить людей. И... было немало партийцев, которые жили за счет КПСС и партбилета, получая от этого очень неплохие блага. И вот мне хотелось бы сейчас некоторым, что «эй вы там, наверху», взглянуть в глаза, поднять из архива их дела и посмотреть, что они писали в заявлениях, вступая в партию.

— Наверняка, что они — прирожденные строители коммунизма и что живота неожиданно...

— Писали они не в пяти — десятилетнем возрасте, а зрелыми, дающими себе отчет.

— Да еще как прорывались в КПСС, прямом на амбразуру шли.

— И предали. Человек, предавший раз предаст многажды. Цари собирали державу по кусочкам, такую политику вели, что под их руку тянулись и Абхазия, и Грузия, и Армения, и прочие народы. Кто сегодня смотрит на Россию как на державу? От нас отвернулся весь мир. Нас считают Бог знает чем. Повторюсь, но я пять лет жил в Бельгии и знаю, как иностранцы к нам относятся.

Смешно сказать: в невлинской деревне Брянской области увидел колбасу: «русская». Но сделана в Бельгии. Боже мой, я же знаю, как она готовится! «Мордо», по-таможенному означает «быдло». И они говорят: «А-а, мордо манжессы рус, ноу проблем!» — что перевести можно так: «Русские быдло будут есть все, что дадут». До чего мы дожили! Русская бабушка сотворит эту колбасу во сто крат вкуснее. Не так давно был на гастролях в Волгоградской области, так мне привелось там есть такие колбасы, обычновенную «докторскую» хотя бы, которые на Западе и не снислися. Слава Богу, народ начинает понимать, что вся эта «цивилизация» годится только псу под хвост.

— Не скажите. Ваш товарищ по недавнему юбилейному турне по «зарубежам», о котором уже мы говорили, рассказывал мне, что организаторы вояжа ради экономии средств закупили здесь, в Москве, в коммерческих структурах харч для вашего прокормления в поездке и его пришлось выбрасывать за ненадобностью, засоряя дороги Европы. Это так?

— Если рассказывал товарищ... У нас же «демократия». В Белоруссии, когда речь только шла о Союзе, «демократия» твердила: там нет демократии. А у нас она вон какая: зарплату не платят, пенсии задерживают, в Чечне ни с того ни с сего положили тысячи людей и сколько еще находится в плену. Это хорошо, что искали и ищут журналистов-западников, которые на виду и на слуху, а о тех солдатах, что угодили в рабство, — сколько их, где они находятся, кто заботится о них?.. В большинстве своем, кстати, это парни сельские...

Гена запел:

— «Христос воскрес! — поют во храме. Но грустно мне, душа молчит. Мир полон крови и слезами, и этот гимн пред алтарями так оскорбительно звучит. Когда б он был меж нас и видел, чего достиг наш славный бег, как брат возненавидел, как опозорен человек. И если б здесь, в блестящем храме, Христос воскрес, он услыхал, какими б горькими слезами перед толпой он зарыдал»... Сергей Рахманинов на стихи Дмитрия Мережковского. Над этим произведением я сейчас работаю. В нем сказано все. Вся большая Русь.

...Мы говорили о многом. И очень многое я до вас, читатели, не донес. Но закончилась бумага, все. Будем надеяться, будет. А русскую землю давайте петь вместе. Итак...

Евгений ПРОШИН.
Фото Леонида БЕЛУШКИНА.